Славянские литературы

V Международный съезд славистов

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СОВЕТСКИЙ КОМИТЕТ СЛАВИСТОВ

СЛАВЯНСКИЕ ЛИТЕРАТУРЫ

Доклады советской делегации

V МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЪЕЗД СЛАВИСТОВ

(*София, сентябрь 1963*)

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва 1963

Главный редактор

академик В. В. ВИНОГРАДОВ

Редактор тома

кандидат филологических наук А. Н. РОБИНСОН

I

СЛАВЯНСКИЕ ЛИТЕРАТУРЫ
XI—XVII вв.

СЛАВЯНСКИЕ ЛИТЕРАТУРЫ
ДОКЛАДЫ СОВЕТСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ
V Международный съезд славистов
(София, сентябрь 1963)

Д. С. Лихачев

СИСТЕМА ЛИТЕРАТУРНЫХ ЖАНРОВ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Категория литературного жанра — категория историческая. Жанры появляются только на определенной стадии развития искусства слова и затем постоянно меняются. Дело не только в том, что одни жанры приходят на смену другим и ни один жанр не является для литературы «вечным», — дело еще и в том, что меняются самые принципы выделения отдельных жанров, меняются типы и характер жанров, их функции в ту или иную эпоху.

Современное деление на жанры, основывающееся на чисто литературных признаках, появляется сравнительно поздно. Для русской литературы чисто литературные принципы выделения жанров вступают в силу в основном в XVII в. До этого времени литературные жанры в той или иной степени несут, помимо литературных функций, функции внелитературные.

Сходные явления мы наблюдаем в фольклоре, где внефольклорные признаки жанров имеют очень большое значение, особенно в древнейшие периоды (в обрядовом фольклоре, в историческом, в сказке и т. п.).

Поскольку жанры в каждую данную эпоху литературного развития выделяются в литературе под влиянием совокупности меняющихся факторов, основываются на различных признаках, перед историей литературы возникает особая задача; изучать не только самые жанры, но и те п р и н ц и п ы, на которых осуществляются жанровые деления, изучать не только отдельные жанры и их историю, но и самую с и с т е м у ж а н р о в каждой данной эпохи.

В самом деле, жанры живут не независимо друг от друга, а составляют определенную систему, которая меняется исторически. Историк литературы обязан заметить не только изменения в отдельных жанрах, появление новых и угасание старых, но и изменения самой с и с т е м ы жанров. Подобно тому как в ботанике

мы можем говорить о «растительных ассоциациях», в литературоведении существуют жанровые ассоциации, подлежащие внимательному изучению. Жанры составляют определенную систему в силу того, что они порождены общей совокупностью причин, и потому еще, что они вступают во взаимодействие, поддерживают существование друг друга и одновременно конкурируют друг с другом.

К сожалению, жанры каждой данной эпохи литературного развития не рассматривались в их взаимоотношениях между собой, как система, призванная обслуживать определенные литературные и нелитературные потребности и обладающая некоей внутренней устойчивостью.

В литературе каждой эпохи существует внутреннее «равновесие» жанров внутри определенной системы, постоянно нарушаемое извне и постоянно восстанавливаемое на новой основе, вступающее в свою очередь в своеобразные сочетания с отдельными видами письменности, с жанровой системой фольклора и с отдельными видами других искусств. Существует это «равновесие» и в русской литературе XI—XVII вв. В будущем, когда жанровые системы древней Руси будут внимательно рассмотрены, мы сможем решить не только целый ряд вопросов историко-литературного развития, но и ряд вопросов истории русской культуры XI—XVII вв. Так, например, для того, чтобы определить, какие из элементов — светские или церковные — преобладают в культуре древней Руси и в какой мере те и другие сказываются в литературе, характерны для нее, первостепенную роль будет играть изучение жанровых систем древнерусской литературы. Не менее важную роль в объяснении причин, почему в русской литературе XI—XV вв. было слабо развито стихотворство и театральные жанры, будет, как мы это и покажем в дальнейшем, играть выяснение взаимоотношений систем литературных жанров с фольклорными. Изучение систем литературных жанров поможет раскрыть характерные для древней Руси особенности связей литературы и других видов искусства (в частности, музыки и живописи), литературы и науки, литературы и различных видов деловой письменности. Не перечисляем других вопросов, которые находятся в тесной связи с проблемой изучения литературных жанров как определенных, находящихся в сложном взаимодействии явлений.

Приступая к предварительному, лишь в порядке постановки вопроса, рассмотрению жанровых систем древней Руси, мы должны прежде всего отвлечься от наших современных представлений о жанрах. Обычно жанры древней Руси воспринимаются с известной долей модернизации, и это крайне вредит их исследованию.

Необходимо изучить прежде всего те названия жанров, которые могут быть извлечены из самого материала средневековой письменности. Задача эта, конечно, необыкновенно трудна и,

думается, никогда не будет разрешена в полной мере и с бесспорной ясностью.

В самом деле, жанровые указания в рукописях отличаются необыкновенной сложностью и запутанностью: «азбуковник», «алфавит», «беседа», «бытие», «воспоминания» (например, записи о святом или рассказ о происшедшем чуде: «Воспоминания о бывшем знамени и чюдеса иконы... богородицы..., еже в Великом Новеграде»), «главы» («Главы о послусех», «Главы отца Нила», «Главы поучительны» и пр.), «двоесловие», «деяние», «диалог», «епистолия», «житие», «житие и жизнь», «завет» и «заветы» («Завет Данов о ярости и о лжи», «Завет Иосифов о премудрости», «Заветы двенадцати патриархов»), «избрание», «изборник», «исповедание», «исповедь», «история», «летовник», «летопись», «летописец», «моление», «моление и мольба», «обличение», «обличительное списание», «описание», «ответ», «память», «повесть», «позорище», «показание», «похвала», «прение», «притча», «размышление», «речи», «речь», «сказание», «слово», «спор», «творение», «толкование», «чтение» и др. Точное перечисление всех названий жанров дало бы цифру примерно в пределах сотни. Характерно, что в древней русской литературе постоянно происходит интенсивное самовозрастание количества жанров. Это длится до тех пор, пока в XVII в. принципы средневековой системы жанров не начинают частично отменяться и на месте средневековой системы не появляется новая система — система жанров новой русской литературы.

Как видно из вышеприведенного перечисления древнерусских названий жанров, названия эти различаются между собой далеко не точно. Под одним названием могут находиться совершенно различные произведения (см., например, «С л о в о о полку Игореве», «С л о в о на антипасху» Кирилла Туровского и «С л о в о похвальное» инока Фомы). Поэтому книжники очень часто ставят в заглавие произведения по два жанровых определения, а иногда и больше: «Сказание и беседа премудра...», «Сказание и видение...», «Сказание и начертание епистолиям...», «Сказание и повесть...», «Сказание и послание...», «Сказание и поучение...», «Повесть и писание...», «Повесть и чюдеса...», «Наказание или поучение к сыну...», «Повесть, сказание о великом царе Дракуле Мытьянские земли», «Житие и деяние и хождение известно и вся избранная славнейшаго и премудрейшаго добродетелна и велеумна мужа самодержьца Александра, великаго царя македоньскаго», «Житие и повесть досточюдно и дивно о макидонском цари Александре, иже к воинству устремляющимся», «Повесть, сиречь история о великом и храбром Александре, царе макидонском», «История, сиречь повесть или сказание, о русских царях и князьях от Владимира Святого до Алексея Михайловича», «Житие и жизнь преподобных отец наших Варлаама и Иосафа», «Житие и хожденье Даниила Рускыя земли игумена», «Моление ко царю инока и страдальца Авраамия, сиречь челобитная» и др.

Иногда одно и то же произведение в разных списках имело различные жанровые определения: так, например, «Посланием к брату столпнику» и «Словом к брату столпнику» озаглавлено одно и то же произведение Илариона Великого. Житие Александра Невского в разных списках определяется то как «житие», то как «сказание», то как «повесть».

Соединение нескольких жанровых определений в названиях произведения указывает не только на колебания книжника — какое определение выбрать,— но является иногда результатом того, что древнерусские произведения действительно соединяли в себе несколько жанров. Одно и то же произведение могло состоять, например, из жития, за которым следовала служба святому, посмертные чудеса и т. д. Множество произведений «нанизывали» на одну тему отдельные, различные по своему жанру, более мелкие произведения, например: «Сказание и страсть и похвала святою мученику Бориса и Глеба», где были действительно соединены житие («сказание и страсть») с «похвалой»; или «Поучение к ленивым, иже не делают, и похвала делателем». Составной характер имеют и многие церковные жанры. Так, например, канон состоит из соединения в одно целое нескольких песен, а каждая песня представляет собой соединение нескольких стихов: первого — ирмоса, последующих — тропарей и последнего — катавасии [1]. Однако главная причина смешения и неясного различения отдельных жанров в древнерусской литературе состояла в том, что основой для выделения жанра, наряду с другими признаками, служили не литературные особенности изложения, а самый предмет, тема, которой было посвящено произведение. В самом деле, жанровые определения древней Руси очень часто соединялись с определениями предмета повествования: «видение», «житие», «подвизи», «страсть», «мучение», «хожение», «чюдо», «деяния» и пр. (ср. «Мучение Варвары и Иулиании», «Мучение Елеазарово», «Мытарства Феодоры», «Видение Григория»).

На судьбе многих названий русских жанров можно проследить, как постепенно определение предмета повествования обрастало совокупностью литературных признаков, с которыми этот предмет должен был быть связан по средневековому литературному этикету, и только тогда становилось жанровым определением в собственном смысле этого слова.

Возьмем хотя бы такое хорошо известное название жанра, как «житие». Из обычных сочетаний в названии произведений — «житие и мучения», «житие и терпение», «житие и жизнь и преставление» — ясно, что древнерусский книжник вкладывал в понятие «житие» несколько иное содержание, чем вкладываем мы. Для древнерусского книжника слово «житие» было очень часто не столько указанием на жанр произведения, сколько указанием на

[1] К. Никольский. Обозрение богослужебных книг православной российской церкви по отношению их к церковному уставу. СПб., 1858, стр. 23.

предмет повествования. Только впоследствии (не ранее XIV в.) слово «житие» начинает твердо обозначать определенный жанр повествовательной литературы. Процесс разграничения между определением жанра и определением предмета повествования был очень сложным. Надо надеяться, что литературоведам в исследовании истории жанровой терминологии древней Руси со временем помогут лексикографы.

*

Отметим также, что произведения древнерусской письменности находятся в сложных отношениях взаимопроникновения. Подобно тому, как в феодальном обществе каждая политическая ячейка составляет часть более крупной, в древнерусской письменности одни произведения входят в состав других. Соответственно и жанры не равноправны и не однородны, а составляют своеобразную иерархическую систему.

В научной литературе обычно принято называть более или менее крупные объединения письменных произведений сборниками — устойчивого и неустойчивого состава. Обратим внимание на другое: и устойчивые и неустойчивые сборники различаются по жанру, некоторые из них не могут даже быть названы просто сборниками — настолько устойчив их тип: патерики, четьи-минеи, хронографы, прологи, торжественники, цветники, азбуковники и пр. Я перечислил едва ли десятую часть всех тех типов «сборников», каждый из которых также может рассматриваться как определенный жанр. Состав их может быть весьма различен, но т и п сохраняется неизменным. Эти типы сборников в свою очередь могут быть разделены на подтипы. Несколько подтипов имеют четьи-минеи, патерики, азбуковники, палеи, летописи и т. д.

Все эти типы и подтипы сборников должны также рассматриваться как жанры, но жанры особые — объединяющие другие жанры. Включаемые в состав этих объединяющих жанров произведения отнюдь не однородны по жанру. Жанр сборника только отчасти определяется жанрами входящих в него произведений: если бы мы попытались определить жанровый состав произведений, входящих в хронографы, четьи-минеи, летописи и пр., то нам пришлось бы перечислить почти все первичные жанры древнерусской письменности. Сложный состав таких объединяющих жанров подчеркивается иногда в самих названиях произведений. Вот, например, как определяется «Дорофея митрополита Монемвасийского хронограф»: «Книга историчная или хронограв, сиречь летописец объемля вкратце различныя и изрядныя истории, сиречь повести...»[2] Или определение содержания Синайского патерика — «Патерик, сиречь Отечник, святыя горы Синайския:

---

[2] А. Востоков. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842, стр. 167—168.

жития и словеса, поучения и чюдеса живущих тамо отец»[3]. Иногда сложный и пестрый характер сборников отражается в самих их названиях: «Вертоград», «Виноград» (т. е. сад), «Венец» (например, «Венец молитв»), «Цветослов» (например, «Анфологион, сиречь Цветослов»), «Брашно духовное» (под таким названием известен сборник слов, изданных Иверским монастырем в 1661 г.), «Пчела» и др. Метафора, заключенная в каждом из этих названий, указывает, что перед нами произведение собранное, составное, соединяющее лучшее и полезное. Отдельные объединяющие жанры включают первичные жанры в определенной пропорции. Так, например, в состав хронографа, летописи, степенной книги входят годовые статьи, исторические повести, жития, грамоты, поучения и пр., но пропорции их в каждом из упомянутых объединяющих их жанров будут особые. Годовые статьи будут преобладать в жанре летописи, жития — в жанре степенной книги, историческое сюжетное повествование — в жанре хронографа и т. д.

Кроме того, при включении первичных жанров в объединяющие жанры первые очень часто приспосабливаются для вторых. Иногда это приспособление выражается в изменении заглавия произведения, в других случаях — объема произведения (при включении в летопись из жития часто отбрасывались «чудеса», риторические вступления и пр.), в третьих случаях изменялся самый стиль произведения, в четвертых из произведения извлекались лишь определенные сведения. В результате произведения изменялись иногда до неузнаваемости, почти всегда включение произведения в состав объединяющего его «сборника» сопровождалось идеологической его проверкой — произведение подчинялось идейной направленности «сборника» в целом.

Характерно, что в XVI и XVII вв., когда иерархия жанров начинает претерпевать значительные изменения и частные произведения из состава объединяющих их крупных произведений начинают переписываться отдельно, принадлежность их к составу объединяющих жанров настолько еще ощущалась, что в названии их очень часто указывали тот объединяющий жанр, из которого они были взяты: «из книги степенной...», «от книг бытейских», «от книги глаголемыя библии», «из Лимониса», «от Шестодневника преписано», «от соборьника азбучнаго», «История из Римских деяний переведена ново», «От книги летописной повесть о царе Мамере» (Сны Шахаиши), «Притча о богатых от болгарских книг», «Выписано из летописи, в которое лето прииде благоверный великий князь Владимир Святославичь Киевский в Залескую землю», «Выписано из рымских кронномов повесть о царе древнем Дариане, како хотя назватися богом» (Повесть об Адариане) и пр.

---

[3] П. М. Строев. Библиологический словарь и черновые к нему материалы. СПб., 1882, стр. 94.

Каждый исследователь рукописей знает, однако, что эти определения могут быть и ложными, что в степенной или патерике могут вовсе и не найтись данные произведения; их там могло и не быть вовсе. Очень часто эти указания следует рассматривать как указания на жанровую принадлежность и только.

Сложные структурные взаимоотношения жанров составляют характерную особенность древней русской литературы, резко отличающую ее от новой литературы, где существует своеобразное «равноправие» жанров. Правда, и в новой литературе мы можем встретить вставные новеллы в романе («Пиквикский клуб» Диккенса), лирическую песнь в драме или стихи в романе, но это включения иного типа — они не составляют системы и тем или иным образом должны быть мотивированы автором (повесть в романе рассказывает один из его героев, лирическую песнь поет действующее лицо драмы и т. д.). В средневековой же русской литературе мы находим включение одних произведений в состав других без внешней мотивировки, как особенность самой жанровой структуры произведения. Хронограф, патерик, торжественник потому включают в свой состав произведения других первичных жанров, что такова сама природа их жанров. Это особенность жанрового сосуществования древней Руси, своеобразной «феодальной иерархии» жанров.

*

Хорошо известно, что в древней Руси не было руководств по написанию литературных произведений, не было в собственном смысле литературной критики и литературной науки. Мы можем лишь говорить об элементах того и другого. Каким же образом древнерусские книжники могли разобраться в великом множестве жанров и поджанров, находящихся к тому же в сложных иерархических взаимоотношениях между собой? Каким образом это многообразие не превращалось в хаос? Каковы были те ориентиры, которые помогали древнерусским книжникам легко находить нужный жанр для составления новых произведений и определять жанр уже написанных?

Эти ориентиры были в основном внелитературного порядка. Они находились в бытовом укладе феодального общества и поэтому обладали в известной мере и бытовой же, «этикетной», принудительностью [4].

Литературные жанры древней Руси имеют очень существенные отличия от жанров нового времени: их существование в гораздо большей степени, чем в новое время, обусловлено их применением в практической жизни. Они возникают не только как разновид-

[4] О принудительности «литературного этикета» см.: Д. С. Лихачев. Литературный этикет древней Руси. ТОДРЛ, т. XVII, 1961.

ности литературного творчества, но и как определенные явления древнерусского жизненного уклада, обихода, быта в самом широком смысле слова.

Вряд ли мы можем усмотреть в литературе нового времени существенное различие между рассказом и романом по их употреблению в обиходе. Тот и другой предназначены для индивидуального чтения. Несколько более существенны в литературе нового времени, с точки зрения обиходного употребления, различия между лирикой и художественной прозой — в совокупности всех ее жанров. Это сказывается, в частности, в возрастных различиях интереса к лирике. Роль лирики в обиходе несколько иная, чем роль других жанров (лирику и стихи вообще не только читают, ее декламируют и пр.). Однако даже при всех различиях «употребления» жанров, последнее не составляет их коренной особенности.

В русской средневековой литературе иное: жанры различаются по тому, для чего они предназначены. Слова произносятся в церкви, и в зависимости от того, по каким дням они произносятся, можно различать отдельные их поджанры. Жития святых также связаны с церковным богослужением и монастырским обиходом. Мы можем различать жития минейные и проложные не по тому только, что первые включаются в четьи-минеи, а вторые в прологи, но и по тому, что первые и вторые читаются в различной обстановке. Священное писание было в ходу в виде сборников с указаниями, что и когда читать при богослужении. Неслучайно, что полный перевод Библии появился только в конце XV в. при Геннадии Новгородском. Ветхий завет до конца XV в. был у нас известен только в переработке для церковного чтения («Паримейники», «Палеи» и пр.). Творения отцов церкви также располагались в сборниках по периодам церковного года (сборники «Златоструй», «Златая цепь», «Златоуст», «Торжественник» и др.). Кроме того, до нас дошли сборники церковных служб, молитв, песен, житий святых (прологи, патерики, различных типов минеи), толкований на отдельные книги священного писания, изречений, церковных законов, а также кормчие, номоканоны, уставы, требники и т. д. — все в той или иной степени определявшиеся в своем составе потребностями церковного обихода. Многие виды церковных песнопений различались не по форме и содержанию, а по тому, в какой церковной службе и в какой части этой службы они исполнялись. Другие виды — по тому, как они исполнялись (троичные гласы, трижды исполнявшиеся на утрени после шестопсалмия и ектении, антифоны, певшиеся попеременно на двух клиросах). Некоторые виды церковных песнопений назывались по тому, как положено было вести себя при их исполнении. Таковы седальны (при пении их начинали садиться) [5], катавасия (последний стих, для которого певцы сходились на се-

[5] К. Никольский. Указ. соч., стр. 31.

редину церкви)[6]. В древней Руси существовали разные виды Апостола в зависимости от его употребления в церковном обиходе. Существовали и разные виды Псалтири, также возникшие из потребностей церковного уклада[7]: 1) Псалтирь с следованием, Псалтирь с восследованием, Псалтирь следованная, 2) Простая псалтирь, Псалтирь малая или Псалтирь келейная, 3) Псалтирь гадательная[8].

Служебный характер жанров выразительно демонстрируется преобладанием евангелий апракос над евангелиями тетр. По подсчетам Н. В. Волкова, почти все списки дошедших до нас пергаменных евангелий (всего их в конце XIX в. было известно 139) во главе с евангелием Остромировым 1057 г. представляют собой евангелия для служебных чтений — апракос, тогда как тетроевангелий сохранилось всего несколько, из них древнейшее — Галицкое 1144 г.[9]

Если мы от церковной книжности обратимся к книжности светской, то и здесь заметим ее подчиненность быту, обиходу, деловым интересам. Состав светских жанров в большей мере отличался в древней Руси от византийского, поскольку светский быт древней Руси был более своеобразен, чем быт церковный. Формирование новых жанров в древней Руси, особенно в первые века ее существования, было в основном подчинено практическим, деловым потребностям. В отношении некоторых жанров это выяснено в последние, послевоенные годы с полной достоверностью и обстоятельностью: возникают различные жанры путешествий (хождения[10], статейные списки[11]); происходит формирование особых жанров под влиянием жанров деловых грамот и деловой переписки[12], рождаются различные жанры демократической сатиры из пародирования документов, церковных служб и пр.[13]

---

[6] Там же.

[7] См.: «Употребление книги Псалтирь в древнем быту русского народа» («Православный собеседник». Казань, 1857, кн. 4).

[8] М. Сперанский. Гадания по Псалтири. «Памятники древней письменности и искусства», № 129. СПб., 1899.

[9] Н. В. Волков. Статистические сведения о сохранившихся древнерусских книгах XI—XIV веков. «Памятники древней письменности», № 123, 1897, стр. 41.

[10] В. В. Данилов. О жанровых особенностях древнерусских «хождений». ТОДРЛ, т. XVIII, 1962.

[11] См. М. Д. Каган. «Повесть о двух посольствах» — легендарно-политическое произведение начала XVII века. ТОДРЛ, т. XI, 1955.

[12] См. Н. Ф. Дробленкова. Новая повесть о преславном Российском царстве и современная ей агитационная патриотическая письменность. М.— Л., 1960; М. Д. Каган. Легендарная переписка Ивана IV с турецким султаном как литературный памятник первой четверти XVII в ТОДРЛ, т. XIII, 1957; А. Н. Робинсон. Поэтическая повесть об Азове и политическая борьба донских казаков в 1642 году. ТОДРЛ, т. VI, 1948; А. А. Назаревский. О литературной стороне грамот и других документов Московской Руси начала XVII века. Киев, 1961.

[13] См. В. П. Адрианова-Перетц. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII века. М.— Л., 1937 («Праздник кабацких

Требует дополнительных разысканий возникновение жанра летописи. В этом отношении очень много может дать исследование обстоятельств, при которых та или иная летопись возникла. Некоторые летописи возникли в связи с вокняжением того или иного князя, другие — в связи с учреждением епископства или архиепископства, третьи — в связи с присоединением какого-либо княжества или области, четвертые — в связи с построением соборных храмов и т. д. Все это наводит на мысль, что составление летописных сводов было моментом историко-юридическим; летописный свод, рассказывая о прошлом, закреплял какой-то важный этап настоящего. Что представляло собой это летописное закрепление настоящего, не совсем ясно. Оно было, по-видимому, не только явлением исторического сознания, но в какой-то мере юридического и художественного. Для истории самого жанра летописи очень важно точно выяснить, при каких обстоятельствах обращались к летописям, определить функции этого жанра. Мы знаем, что летописцами были по преимуществу официальные лица: служащие княжеские и владычнии, уставщики, псковские посадники, впоследствии — дьяки. Летописание велось при княжеских и епископских дворах, в монастырях, затем — в Посольском приказе, в XVII в. был создан особый Записной приказ.

Важно отметить, что когда летописание начинает применяться для частного чтения, оно меняет свой характер: становится беллетристичнее и назидательнее.

Ясно, что употребление хронографов было иным, чем употребление летописи. Хронографы предназначались для неофициального, индивидуального чтения, и поэтому элементов беллетристичности, внешней занимательности, философских и общеисторических назиданий в них гораздо больше, чем в летописи. Когда летопись приближается к частному чтению, в ней усиливаются «хронографические» приемы изложения (в XV—XVII вв.)[14].

Большой интерес представляет выяснение причин возникновения жанра повестей о княжеских преступлениях в XI—XIII вв.: таких, как «Повесть об ослеплении Василька Теребовльского», «Повесть об убийстве Игоря Ольговича», «Повесть о клятвопреступлении Владимирки Галицкого» боярина Петра Бориславича, «Повесть об убийстве Андрея Боголюбского» и пр. Все эти повести возникли из потребностей феодальной борьбы: для доказательства нравственной и юридической справедливости войны одного князя против другого, виновности одних и правоты других [15]. Характерно, что одно из первых русских житий — житие Бориса и Глеба — с самого начала было в жанровом отношении деформировано этими потребностями: оно приближалось

ярыжек», «Калязинская челобитная», «Лечебник, как лечить иноземцев» и пр.)

[14] См. подробнее: Д. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.— Л., 1947, стр. 331—353.

[15] См. подробнее: Д. Лихачев. Русские летописи, стр. 247—267.

по своему типу к повестям о княжеских преступлениях. Основное место в нем заняло описание убийства святых братьев Святополком. Перед этим описанием преступления Святополка отступили на второй план традиционные жанровые признаки жития. В дальнейшем рассказы о княжеских преступлениях полностью или частично эмансипировались от житийного жанра. То же самое произошло и с летописью. Первое произведение этого жанра на русской почве еще тесно примыкало к жанру патерика, но патерика деформированного историко-юридическими задачами [16]. В дальнейшем эта деформация привела к кристаллизации жанра летописи. Аналогичную картину возникновения хроник видим мы и в чешской литературе [17].

Преобладание в древней Руси обиходных, «обрядовых», «деловых» жанров сказалось, между прочим, на одной их особенности, резко обозначившейся в их стиле: все они рассчитаны для произнесения вслух [18]. Это сказывается в ритме, рассчитанном для пения или для чтения вслух, в обилии ораторских оборотов речи, ораторских обращений к слушателям и т. д. Этим объясняется, между прочим, что риторики даже в XVII в. играли роль поэтик.

В силу своего внелитературного употребления, служебной предназначенности жанры литературы выходили за пределы литературы и имели тесные контакты с жанрами других искусств: живописи, архитектуры и в особенности музыки.

Контакты с жанрами живописи и формами архитектуры могут на первый взгляд показаться странными, однако я напомню о литературном жанре «чудес от икон», «сказаний об иконах», иконах и росписях на сюжеты песнопений или рассказов «Лимониса», патериков и пр., подписей в житийных клеймах, подчинении росписей храмов в их целом литературным схемам, подчинении архитектуры церемониальным схемам богослужения и пр. Все эти контакты жанров и видов различных искусств требуют внимательного изучения. В последнее время по этому вопросу публикуется много статей в разделе «Литература и искусство» Трудов Отдела древнерусской литературы. К сожалению, однако, у нас все еще мало изучаются связи жанров литературы и музыки. Это особенно важно для древнерусского стихотворства, и об этом недавно напомнил в своей книге «Зачем и кому нужна поэзия» Н. Н. Асеев (М., 1961, стр. 94—95).

---

[16] Там же, стр. 35 и сл.

[17] О. Кралик. Повесть временных лет и Легенда Кристиана о святых Вячеславе и Людмиле. ТОДРЛ, т. XIX, 1963.

[18] В Слове Иоанна Златоуста «О лживых учителех» специально предписывалось читать книги вслух для других: «Горе же тому, иже не почитает св. книг писания пред всеми, но яко Иуда скрываяй талант рекше учение господне, сведению, толкованию испытывающу, яко Арий безумный ино храняще книги... и моряще инех гладом духовным» (В. А. Яковлев К литературной истории древнерусских сборников. Опыт исследования «Измарагда». Одесса, 1893, стр. 46—47).

Отмечая единство жанров музыкально-словесных, А. В. Преображенский писал: «На месте своего происхождения этот поэтический материал неизбежно облекался немедленно же, если не под пером одного и того же автора, в форму музыкально-певческую, ибо это было „песно-пение", гимно-графия. Здесь гимн как хвала не мог оставаться исключительно в оболочке слова, не доходя до завершения в мелодии, песне. Такой характер творчества в конце концов приводил к тому, что *в основе музыкального изложения лежала та же самая форма, какая была положена в основу словесного* (курсив мой. — *Д. Л.*). Поэтому, например, лежавший в основе конструкции псалмов словесный параллелизм целиком отражался и в музыкальной форме, так должно было быть и в христианских стихирах. Элементам необходимого контраста выступали дополнительные части в виде запевов, припевов, вводных и заключительных частей»[19].

Отсюда ясно, что изучение жанров музыкально-словесных не может ограничиваться только их словесной стороной. Это особенно важно в тех случаях, когда дело касается возникновения стихотворных жанров.

*

Другим стимулом существования жанров и образования новых был стимул познавательный. Он в известной мере наличествовал уже в первые века русской письменности и затем все более и более увеличивался, способствуя развитию индивидуального чтения.

Познавательный характер многих жанров, интерес к познавательной стороне отдельных произведений может быть замечен даже по их названиям. Вот несколько типичных: «Сказание чего ради Великого Новагорода архиепископы на главах носят белые клобуки...», «Исповедание въкратце како и коего ради дела отлучишася от нас латыни...»[20], «Познати, как кружали держати»,[21] «О городах, где которые стоят, или островы»[22].

Характерно, что познавательная струя в русской литературе сильно возрастает в XV, XVI и XVII вв. Это заметно по составу сборников XV—XVII вв., так называемых сборников неустойчивого содержания, создаваемых писцами для себя или для продажи, но и в том и в другом случае предназначенных для индивидуального, необрядового чтения, сильно возрастающего в это время. В сборниках этих, объединяющих разнородный материал, очень часто познавательный интерес является преобладающим.

---

[19] А. В. Преображенский. Культовая музыка в России. Л., Academia, 1924, стр. 10.

[20] А. Востоков. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума, стр. 41.

[21] См. Музейное собрание рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, т. I. М., 1961, стр. 160.

[22] Там же.

Появляются сборники, посвященные истории того или иного города, всемирной истории, сборники, объединяющие географические статьи, отражающие интерес к некоторым религиозным вопросам и т. д. Такие сборники заключают самый разнообразный в жанровом отношении материал, а иногда дают даже неполный текст произведения, выбирая из последнего только то, что имеет познавательное значение. Это все сборники неопределенного состава, количество которых особенно сильно увеличивается в XV — XVII вв.

*

Характер жанров древней Руси отнюдь не следует объяснять особенностями «средневекового мышления». Мне представляется, что постановка вопроса об особом характере средневекового мышления вообще не правомерна: мышление у человека во все века было в целом тем же. Менялось не мышление, а мировоззрение. В области же мировоззрения, конечно, следует в первую очередь иметь в виду, что средневековая христианская эстетика отрицала искусство как источник эстетического наслаждения. Поэтому христианская эстетика в значительной степени прикладная.

Усиленное развитие в средние века обряда и церемониала [23], подчинило процессы жанрообразования церемониальной стороне феодального быта. С другой стороны, сказывались познавательные интересы средневекового читателя. Тот и другой стимулы сохранения старых жанров и образования новых не противоречили друг другу, они были взаимосвязаны.

*

Если возникновение и существование жанров в литературе древней Руси определяются в основном внелитературными причинами, то означает ли это, что и самые жанры средневековой письменности — явление в основном нелитературное?

Если бы все дело сводилось к проблеме «средневекового мышления», то ответ был бы именно таким: литературы нет, есть явления внелитературные, заключающие в себе элементы литературности. Положение же, однако, в действительности гораздо сложнее. Оно почти парадоксально.

Несмотря на преобладание внелитературных факторов жанрообразования, специфически литературный характер жанров сказывается очень сильно. Можно даже сказать, что он имеет чрезвычайное значение, и роль жанров в литературном развитии средневековой Руси исключительно велика, как и роль чисто литературных признаков в самих средневековых жанрах.

Попытаюсь обосновать свою мысль. Прежде всего отмечу, что чисто литературные различия жанров сказываются в древней Руси иногда даже сильнее, чем в литературе нового времени.

---

[23] Об этом см. в другой моей работе: «Литературный этикет древней Руси (к проблеме изучения)», (ТОДРЛ, т. XVII, 1961).

Так, например, в отличие от литературы нового времени в древней Руси жанр определял собой образ автора. В литературе нового времени мы не встречаем единого образа автора для жанра повести, другого образа автора для жанра романа, третьего единого образа автора для жанра лирики и т. д. Литература нового времени имеет множество образов авторов — индивидуализированных, каждый раз создающихся писателем или поэтом заново и в значительной мере не зависимых от жанра. Произведение нового времени отражает личность автора в создаваемом им образе автора.

Иное в искусстве средневековья. Оно стремится выразить коллективные чувства, коллективное отношение к изображаемому. Отсюда многое в нем зависит не от творца произведения, а от жанра, к которому принадлежит последнее. Автор в гораздо меньшей степени, чем в новое время, озабочен внесением своей индивидуальности в произведение. Каждый жанр имеет свой строго выработанный традиционный образ автора, писателя, «исполнителя».

Один образ автора в проповеди, другой — в житиях святых (он несколько меняется по поджанровым группам), третий—в летописи, иной в исторической повести и т. д. Индивидуальные отклонения по большей части случайны, не входят в художественный замысел произведения. В тех случаях, когда жанр произведения требовал его произнесения вслух, был рассчитан на чтение или на пение, образ автора совпадал с образом исполнителя — так же, как он совпадает в фольклоре.

Я лишен сейчас возможности подробно остановиться на проблеме образа автора в древней русской литературе. Это потребовало бы специальных больших исследований. В мою задачу входит только указать, что проблема жанра в литературе древней Руси тесно связана с устойчивыми, «жанровыми» образами автора [24].

В связи со сказанным мне хотелось бы напомнить о проблеме образа автора «Моления Даниила Заточника». Попытки найти в этом образе черты реального автора, как мне представляется, противоречат художественному методу древнерусской литературы, выставляющему всегда «жанровый образ» автора. Даниил Заточник — образ, типичный для определенного жанра произведений, жанра, проникшего в литературу из фольклора. Это образ скомороха: балагура и умного попрошайки. Это образ, типичный для скоморошьих произведений [25] и отчасти схожий с возникшим в той же ситуации образом певца-поэта средневекового Запада. Е. В. Аничков пишет: «Столько произведений трубаду-

---

[24] Проблеме образа автора и образа читателя в русской литературе XI—XVII вв. я предполагаю посвятить особую работу.

[25] См. Д. С. Лихачев. Социальные основы стиля «Моления Даниила Заточника», ТОДРЛ, т. X, 1954.

ров труверов и миннезингеров тратят пафос своего поэтического вдохновения, чтобы просьбами, угрозами, лестью, примерами, воображаемыми или достоверными, легендами и прямым наставлением заставить тех „богачей и баронов“, от которых они зависели, проникнуться этим правилом светской жизни, что „широта“, как они выражались, т. е. расточительность — показатель и высшая добродетель знатности; у нас „Моление Даниила Заточника“, особенно первой версии, где он вовсе не представляет себя заточенным на озере Лач, а лишь бедняком и „нищим мудрым“, силится „извитием словес“ убедить своего князя оценить и оплатить работу служилого человека, который „на рати не хоробр“, зато силен в „сладости словесной“»[26].

Литературная структура жанров резко выступает и в следующем явлении: древнерусские жанры в гораздо большей степени связаны с определенными типами стиля, чем жанры нового времени. Мы можем говорить о единстве стиля праздничного слова, панегирического жития, летописи, хронографа и пр. Нас поэтому не удивят выражения «житийный стиль», «хронографический стиль», «летописный стиль», хотя, конечно, в пределах каждого жанра могут быть отмечены индивидуальные отклонения и черты развития. Для литературы нового времени было бы совершенно невозможно говорить о стиле драмы, стиле повести или стиле романа вообще. Следовательно, и в этом отношении средневековые жанры обладают более резкими, чисто литературными различиями, чем жанры нового времени. Они вбирают в себя большее количество литературных признаков.

Характерно также, что различные жанры по-разному относились к проблеме авторской собственности. «Чувство авторства» было различно в жанре проповеди и в жанре летописи, в жанре послания и в жанре повести. Первые предполагают индивидуального автора и часто надписывались именами своих авторов, а при отсутствии данных об авторе приписывались тому или иному авторитетному имени. Вторые очень редко имели имена авторов; авторской принадлежностью их читатели мало интересовались.

Можно отметить различное отношение к «литературному времени» в проповеднической литературе и в летописи и даже различное отношение в пределах каждого жанра к решению некоторых мировоззренческих вопросов.

Литературное развитие совершается иногда по-разному в пределах отдельных жанров. Есть жанры более консервативные и менее консервативные, придерживающиеся традиционных форм и менее зависимые от традиции[27].

---

[26] Е. В. Аничков. Западные литературы и славянство. Очерк 1. Прага, Изд-во «Пламя», 1926, стр. 68.

[27] См. об этом: Д. Лихачев. К вопросу о зарождении литературных направлений в русской литературе. «Русская литература». Л., 1958, № 2.

*

Древнерусские жанры были хорошо «организованы» в том отношении, что они обычно декларативно обозначались в самих названиях произведений: «С л о в о Иванна Златаустаго о глаголющих, яко несть мощно спастися живущим в мире», «С к а з а н и е о небесных силах», «Книга глаголемая В р е м е н н и к, Никифора патриарха Цариграда, сиречь Л е т о п и с е ц, изложен вкратце», «П р о с т и т е л ь н а я г р а м о т а к мощам Филиппа митрополита», «Книга П а т е р и к, Словеса душеполезна, извещение преподобному отцу нашему Макарию египтянину», «С т р а с т ь святаго мученика Иякова Персянина» и т. п.

Иногда о жанре произведения читатель мог судить по вступительным строкам, по отметке — когда и где читать данное произведение: «Августа в 3 день, преподобнаго отца нашего Антониа Римлянина, иже в Великом Новеграде новаго чюдотворца», «Слово 2-е Кирилла Александрийскаго в неделю мясопустную», «Слово на Дмитриев день, да избудем зла» и т. п.

Стремление выставлять название жанра в заглавие произведения вызвано было, очевидно, особенностями самого художественного метода древнерусской литературы. Традиционность литературы исключала использование неожиданного образа, неожиданной художественной детали или неожиданной стилистической манеры как художественного приема. Напротив, именно традиционность художественного выражения настраивала читателя или слушателя на нужный лад. Поэтому читателя необходимо было заранее предупредить, в каком «художественном ключе» будет вестись повествование. Отсюда эмоциональные «предупреждения» читателю в самих названиях: «повесть преславна», «повесть умильна», «повесть полезна», «повесть благополезна», «повесть душеполезна» и «зело душеполезна», «повесть дивна», «повесть дивна и страшна», «повесть изрядна», «повесть известна», «повесть известна и удивлению достойна», «повесть страшна», «повесть чюдна», «повесть утешная», «повесть слезная», «сказание дивное и жалостное, радость и утешение верным», «послание умильное» и пр. Отсюда же и пространные названия древнерусских литературных произведений, как бы подготовлявшие читателя к определенному восприятию произведения в рамках знакомой ему традиции. Той же цели «предупреждения» читателя служат названия произведений, в которых кратко излагается их содержание: «О некоем злодее, повелевшем очки купити», «О невесте, которая двое детей своих порезала, абы замужем была», «О житии и о смерти и о страшном суде» (Слово митрополита Даниила), «Повесть о блаженем старце Германе, спостнице преподобным отцем Зосиме и Саватию, како поживе с ними на острове Соловецком».

Тому же подготовлению читателя к определенному восприятию произведения служат и предисловия к произведениям. Вот на-

чальные стихи одного из многих: «Приидите честное и святое постник сословие, приидите отци и братиа, приидете празднолюбци, приидете овчата духовная, приидете стадо христоименитое, всяка бремена мирьских вещей отвергше и чести непорочъному да явимся. Се бо съвыше наше звание прииде, се духовная трапеза предлежить, се хлеб неистощаемыа пища, и масло милованиа, се целомудрьнаа пъшеница, и вино тело и душю веселяще...» [28] В этом вступлении, которое, впрочем, мы не привели полностью, указывается адресат произведения — читатели и слушатели, а также в самой общей форме — предмет повествования и восхваления, но, самое главное, сообщается тот эмоциональный ключ, в котором должно восприниматься все дальнейшее. Читатель как бы подготовлялся к дальнейшему чтению.

Приготовление к чтению занимало в древней Руси серьезное место. В одном из слов о книжном учении «Измарагда» читаем: «Седящу ти на почитании и послушающу божественных слов, то первее помолися богу, — да ти отверзет очи сердечныя, не токмо написанное чести, но и творити я, и да не во грех себе учения святых прочитаем» [29]. Чтение книг входило в обиход жизни, во многих случаях было связано с обрядом и обычаем; поэтому не всякое произведение и не во всякое время можно было читать; читатель должен был быть предуведомлен в названии произведения: о чем в нем пойдет речь, какого жанра произведение и на какой лад следует настроиться.

Можно было бы указать и другие признаки, по которым древнерусский читатель мог «узнавать» жанр произведения, его стилистическую и сюжетную принадлежность, его эмоциональную настроенность.

Жанры обладали различными собственными атрибутами, как обладали ими изображения святых. Средневековое искусство есть искусство знака. Знаки принадлежности произведения к тому или иному жанру играли в нем немаловажную роль. При этом бывали случаи, что знак жанра употреблялся в самом прямом смысле этого слова — как особый фигурный значок. Отмечу, что в Типиконе и в Месячной минее отдельные последования имеют знаки («знамения»), указывающие на то, к какому разряду они принадлежат, как должны совершаться (крест в круге, крест с полукружием, один крест, три точки полуокруженные; знаки эти красные и черные) [30].

Если сравнить литературные жанры с родами оружия в войске, то можно сказать, что войско средневековой литературы отличалось обилием и разнообразием оружия. Все роды оружия

---

[28] В. Яблонский. Пахомий Серб и его агиографические писания. СПб., 1908, стр. 44 (вступление к Житию Сергия Радонежского).

[29] В. А. Яковлев. К литературной истории древнерусских сборников, стр. 42.

[30] К. Никольский. Указ. соч., стр. 61 и сл.

несут различные знаки: здесь и хоругви, выносные кресты и иконы церковных жанров и различные стяги и знамена – светских. Среди них можно различить и «черленую челку» Слова о полку Игореве: тут и крупные знамена объединяющих жанров и значки первичных жанров и поджанров. Каждый род оружия одет в свою форму, т. е. обладает своим стилистическим строем, «жанровым мундиром». Парчевые церковные облачения и военные доспехи воинских повестей перемежаются более бедными, обиходными формами светских, деловых жанров.

Как я уже указывал, жанры средневековой литературы подчинены определенной иерархии: есть жанры, объединяющие и жанры первичные. Поэтому, продолжая сравнение, можно было бы сказать, что средневековая литература и построена, как некое войско: роды оружия группируются в войсковые объединения, входят в состав более крупных и т. д.

Вся эта пышная армия литературы церемониально проходит перед нами, строго подчиненная церковному уставу, феодальному светскому этикету, значение которого не менее велико для определения природы древнерусских литературных жанров, чем для выяснения ее других сторон.

Сравнение можно продолжить. Литературное войско обладало громадной силой сопротивляемости. Оно «не впускало» произведения чуждых жанров, защищая себя от наплыва жанров переводной, иностранной литературы, не связанных с книжным обиходом древней Руси. Произведения других жанров, не похожих на те, которые имели хождение на русской почве в те или иные века, почти не могли проникнуть на Русь. Прививалось лишь то, что так или иначе было уже знакомо по жанру.

А. С. Орлов писал о переводной литературе: «Принимались, должно быть, преимущественно книги, по темам, сюжетам и формам напоминавшие привычную старую книжность»[31]. Далее А. С. Орлов приводит следующие примеры. К нам пришли сродные с летописью «кроники» и анналы, сходные с Козьмой Индикопловом, статейными списками и хождениями космографии, сходные с Домостроем нормативные книги частного, профессионального и общественного уклада: «Экономики Аристотелесовой, сиречь домостроения, книги две» (польское печатное издание 1603 г.), «Гражданство обычаев детских», «Рейнгарда Лорихия книги о воспитании и наказании всякого начальника» (польское печатное издание 1558 г.) и пр. По образцу сборников, служивших материалом для проповедников, к нам перешли «Римские деяния», «Великое зерцало», «Звезда пресветлая», «Небо новое» Галятовского и пр.

То же отмечает и Е. В. Петухов относительно Синодика, когда говорит о той «горячей готовности», с которой древнерусские книж-

---

[31] А. С. Орлов. Книга русского средневековья и ее энциклопедические виды. «Доклады АН СССР», 1931, стр. 49.

ники «брали новый иноземный материал, поскольку он мог служить выражением старых тенденций»[32]. Самозащитой жанровой системы должно быть объяснено и то обстоятельство, что в XVII в. западная литература проникла к нам далеко не в новых образцах, а в образцах устаревших для Запада жанров. Эти устаревшие жанры были стадиально близки русской литературе: рыцарские романы, второстепенные произведения провинциального театра, «Римские деяния», которые уже не пользовались ко времени их успеха на Руси особой популярностью в Чехии и Польше, и пр.

При переводе произведения на древнерусский язык происходило одновременно и его приспособление к системе жанров древней Руси. Характерно, что такой замечательный византийский памятник, как поэма о Дигенисе Акрите, утратил в древнерусском переводе (вернее, переделке) черты принадлежности к жанру героических народных поэм византийского типа, которых не было в древнерусской литературе, и стал в одном ряду с такими произведениями повествовательной прозы, как «Александрия» или «Повесть о разорении Иерусалима».

Средневековая литература других стран также знала подобные приспособления к действующей системе жанров. «Переходы» произведения из одного жанра в другой мы найдем, например, в различных национальных версиях сюжета о Тристане и Изольде: в английской литературе «Sir Tristram» выполнен в манере английской народной баллады, в исландской — «Сага о Тристане и Изольде» выполнена в жанре исландских семейных саг. Мировая литература знает многочисленные примеры переделок поэм в романы, народных рассказов в новеллы и пр. Грузинский средневековый роман «Висрамиани» (XII в.) является переделкой поэмы «Вис и Рамин» Гургани (XI в.).

Литературы средневековья обладали гораздо более замкнутыми жанровыми системами, чем литературы нового времени.

*

Чрезвычайно сложный и очень ответственный вопрос — о взаимоотношении системы литературных жанров древней Руси и системы жанров фольклорных. Без ряда больших предварительных исследований вопрос этот не только не может быть разрешен, но даже более или менее правильно поставлен. Тем не менее попытаюсь указать на некоторые особенно важные стороны этого вопроса.

Прежде всего обращу внимание на следующее. Если литература нового времени в своей жанровой системе независима от системы жанров фольклора, то того же нельзя сказать о системе литературных жанров древней Руси. В самом деле, мы видели

---

[32] Е. В. Петухов. Очерки из литературной истории Синодика. СПб., 1895, стр. 284.

уже, что система литературных жанров определялась в значительной мере потребностями обихода—церковного и светского. Однако светский обиход обслуживала не только литература, но и фольклор. Высшие слои общества в древней Руси в эпоху феодализма продолжали еще пользоваться фольклором. Они не были свободны от язычества [33], они частично участвовали в исполнении традиционных обрядов, слушали и пели лирические песни, слушали сказки и пр.

Конечно, фольклор, бытовавший в господствующем классе общества, был особым, отобранным, может быть, измененным. Само собой разумеется, что фольклор в целом был очень далек от мировоззрения господствующего класса. В. П. Адрианова-Перетц пишет: «Проблема взаимоотношения в древней Руси литературы и фольклора — это проблема соотнесения двух мировоззрений и двух художественных методов, то сближавшихся до полного совпадения, то расходившихся по своей принципиальной непримиримости» [34]. Фольклор и литература противостоят друг другу не только как две в известной мере самостоятельные системы жанров, но и как два различных мировоззрения, два различных художественных метода. Однако, как бы ни были различны фольклор и литература в средние века, они имели между собой гораздо больше точек соприкосновения, чем в новое время. Фольклор, и часто однородный, был распространен не только в среде трудового класса, но и в господствующем. Одни и те же былины мог слушать крестьянин и боярин, те же сказки, те же лирические песни исполнялись повсюду. Несомненно были произведения, которые не могли исполняться для представителей феодальной верхушки: некоторые языческие обрядовые песни, сатирические произведения, песни разбойничьи и т. д. Те произведения, в которых «мировоззрение фольклора» оказывалось антифеодальным, не могли быть распространены в господствующем классе, однако это были только некоторые произведения — отнюдь не все.

Бытование фольклора в среде господствующего класса облегчалось тем, что феодальное мировоззрение по самой своей природе было противоречивым. В нем могли уживаться элементы идеалистические и натуралистические, разные художественные методы. Этой пестротой могли быть пронизаны даже отдельные памятники. Вот почему некоторые фольклорные произведения могли исполняться и для господствующего класса, иногда с теми или иными пропусками.

Давно обращавшее на себя внимание отсутствие в древней русской литературе некоторых жанров — любовной лирики, развлекательных жанров (романа, авантюрных повествований), театра

---

[33] См. об этом в исследовании В. Л. Комаровича «Культ Рода и Земли в княжеской среде XI—XIII вв.» (ТОДРЛ, т. XVI, 1960).

[34] В. П. Адрианова-Перетц. Древнерусская литература и фольклор. (К постановке проблемы). ТОДРЛ, т. VII, 1949, стр. 5.

и пр.— объясняется, как мне представляется, не тем, что русская литература была подавлена церковностью (другие светские жанры существовали и достигали зрелого развития, например летопись), а тем, что из этих областей еще не отступил фольклор.

В самом деле, почему до XVII в. у нас не было регулярного театра? Мне представляется, что театр образовался в XVII в. не потому, что его кто-то более или менее случайно «перенес» с Запада или самобытным способом «изобрел» в России, а потому, что в XVII в. в нем появилась потребность. До XVII в. потребность в театре еще не выкристаллизовалась, не отделилась еще от других потребностей в самостоятельную область. «Театральность» была «разлита» во многих фольклорных жанрах, смешана с ними; элементы театральности пронизывали собой лирические песни и обрядовые, сказку и былины; театральность была представлена и искусством скоморохов.

Когда в XVII в. под влиянием углубления классовой дифференциации общества и роста городов фольклор отступает из господствующей части общества, те стороны эстетической жизни общества, которые питались фольклорными жанрами, потребовали для себя особых форм удовлетворения.

Новые жанры появляются в XVII в. в результате вакуума, созданного отступлением фольклора. Конечно, причины появления новых жанров не только в этом, они многообразны. Однако отступление фольклора должно быть принято во внимание.

Рыцарский роман в известной мере приходит на место былины и сказки. Именно поэтому он воспринимает черты обоих этих фольклорных жанров. Занимательные рассказы «Римских деяний», «Звезды пресветлой» и т. д. также в известной мере восполняют недостаток сказки. Потребность в сатире перестает удовлетворяться одним фольклором, и в литературе создается демократическая сатира, с одной стороны, и «аристократическая сатира» Симеона Полоцкого — с другой.

Записи былин в XVII в. начинают производиться потому, что в некоторой верхушечной части общества былину перестают слушать. Исполнение былин все более ограничивается сельской местностью и городским посадом.

Если система жанров ф о л ь к л о р а была системой цельной и законченной, была способна в какой-то мере полно удовлетворять потребности народа, в массе своей неграмотного, то система жанров л и т е р а т у р ы древней Руси была неполной. Она д о п о л н я л а с ь фольклором. Литература существовала параллельно ряду фольклорных жанров: любовной лирической песне, сказке, историческому эпосу, скоморошьим представлениям. Мы знаем, что даже в XVII в. при царском дворе жили старики-сказочники, Дмитрий Пожарский покровительствовал скоморохам.

Нам совершенно ясно, почему для Ричарда Джемса были записаны русские песни. Они были записаны прежде всего потому, что

он хотел записи их увезти с собой в Англию, где он был лишен возможности их слушать. Не позволяет ли этот факт предположить, что многие записи народных произведений в XVII в. были сделаны также потому, что в какой-то мере (пусть самой малой) в известной среде они становились редкостью. Появление в городской демократической среде, связанной с фольклором, демократической литературы явно зависело от того, что с развитием городов фольклор отступил за пределы городской черты. На смену фольклору пришла его замена — записи фольклора и демократическая полуфольклорная по своему происхождению литература. Вот почему до XVII в. систему литературных жанров мы не можем рассматривать как самостоятельную. Она дополнялась системой жанров фольклора.

Если мы говорим об отсутствии в литературе XI—XVI вв. любовной лирики, то это не значит, что русские люди не имели этой лирики вообще. Как только из некоторой части общества ушла фольклорная лирика, появились любовные песни П. А. Квашнина-Самарина.

Удивлявшее исследователей обстоятельство, что в народном, фольклорном стиле пишет дворянин, аристократ П. А. Квашнин-Самарин, не только не должно нас удивлять, но само по себе очень показательно: в сочинениях фольклорных по своему характеру песен нуждался прежде всего тот, для кого исполнение и слушание их было затруднено в пышных стенах боярских хором.

По той же причине именно при царском дворе и палатах бояр Милославских [35] начинает заводиться театр.

Конечно, не только в аристократической среде появились записи фольклора или замены фольклора новыми литературными жанрами. Мы уже говорили о демократической сатире и о появлении ее вследствие отступления фольклора из города. В данном случае это отступление надо уточнить. Церковь преследовала скоморохов. Из крупных городов они были изгнаны. Тем самым церковь подготовила почву для своего гораздо более сильного врага — театра. Театральность скоморохов передавалась театру Алексея Михайловича, их сатира — демократической литературной сатире городских низов. В первом случае (в театре) связи с фольклором нет. Во втором (в демократической сатире) она налицо. Здесь фольклор выступал как мировоззрение, и сохранить его могли только трудовые слои города.

Во всяком случае можно предположить, что некоторое отступление фольклора породило разнообразные явления в разных жанрах и в разных классах общества.

---

[35] Фактически в доме И. Д. Милославского представлений не было, хотя помещение отделывалось.

*

Все, о чем я говорил выше, требует еще дальнейших исследований. В частности, не более чем гипотеза изложенные выше взгляды на соотношение жанров литературы и жанров фольклора и на появление книжной любовной лирики, театра, записей фольклорных произведений в результате частичного «отступления» фольклора из верхов феодального общества в XVII в. Бесспорен, как мне представляется, однако, следующий факт: жанры литературы составляют в совокупности определенную систему и эта система в разные исторические эпохи различна. Если я смог показать выше необходимость и важность изучения совокупности жанров литературы древней Руси как определенной системы, меняющейся в процессе развития литературы, я буду считать задачу своего доклада выполненной.

The system of literary genre in Ancient Russia.

Summary

Genres of literature do not exist independently of each other. They constitute definite stable systems which is changed historicaly. Just as in botany we can speak of «vegetable associations», there is every reason to introduce into literary criticism the concept of systems of genres.

Genres constitute systems due to the fact, that in each given literary epoch there is a common aggregate of causes which give birth to the genre of the period. Moreover genres interact with one another, support one another and at the same time compete with one another.

The study of previous systems of genres is very important in determining the laws of literary development. A preliminary examination of systems of genres convinces us of the immense quantity of fully developed as well as of undeveloped genres in ancient Russian literature, in which there takes place a process of intensive self-propagation of genres. This process continued into the XVII-th century, when the principles upon which the systems of the Middle-Ages were based, relinquished their place to those of modern times.

There existed in ancient Russian literature a peculiar «feudal hierarchy» of literary genres. There were all-inclusive and subordinate basic genres, which were split up into subgenres. The abundance of genres and the difficulty of keeping them apart forced ancient Russian authors and copyists of manuscripts to give definitions of genre in titles. The exact definition of genres in titles was also necessary because of their practical intention the demands of secular or sacred use. There were however other factors which dictated the separation of genres — in particular the subject matter.

From the beginning of the XV-th century there appeared works and collections intended for individual reading. The result was the disintegration of the genre system: by the XVII-th century there appeared genres, which were more closely akin to the genre of mo-

dern times, although, at the same time the old genres were also retained.

The system of literary genres in ancient Russia closely coincided with folklore. While the systems of the folklore genres were complete and closed, and capable of satisfying the demands of the illiterate masses, the systems of literary genre of ancient Russia were incomplete. They were supplemented by folklore. Both systems closely interacted. The absence of love-lyrics and of purely diverting and theatrical genres in ancient Russian literature explains to a significant degree, why the demand for these genres was satisfied by folklore. In the XVII-th century folklore retreated from the cities and left the mansions of Russian boyardom. Therefore in the palace of the tzar and in the boyar's mansions the bookish lyrics and theatre appeared first of all. The process of Putting «bylinys» and lyrical works into writing began in the XVII-th century partly because the oral performance of them had become difficult in certain circumstances, while some demand for them remained.

The main aim of the report is to show the importance of studying the totality of genres in each given literary epoch as a definite system.

СОДЕРЖАНИЕ

СЛАВЯНСКИЕ ЛИТЕРАТУРЫ XI—XXII вв.

И. П. Еремин. О византийском влиянии в болгарской и древнерусской литературах IX—XII вв. 5

Н. К. Гудзий. Традиции литературы Киевской Руси в старинных украинской и белорусской литературах 14

Д. С. Лихачев. Система литературных жанров древней Руси . . . 47

Я С. Лурье. О судьбах переводной беллетристики в России и у западных славян в XV—XVI вв. 71

Н. И. Балашов. Ренессансная проблематика испанской драмы XVII в. на восточнославянские темы 89

В. Д. Кузьмина. М. Н. Сперанский как славист 125

II. СЛАВЯНСКИЕ ЛИТЕРАТУРЫ XIX—XX ВВ.

В. В. Витт. О некоторых тенденциях развития реализма в польской литературе конца XIX — начала XX в. 155

А. П. Соловьева. Утверждение реализма в чешской литературе 175

Ю. А. Кожевников. Попоранизм и проблема влияния русской литературы на румынскую 201

В. И. Злыднев. К истории русско-болгарских литературных связей XX в. 226

Г. М. Фридлендер. Наследие русских революционных демократов и его значение для развития славянских литератур 263

Н. Л. Степанов. Классические традиции и советская литература 297

И. А. Бернштейн. Поиски нового героя в чешской литературе (1918—1945) 327

Д. Ф. Марков. Формирование социалистического реализма в литературах южных и западных славян (к вопросу об общих закономерностях процесса) 352

Список сокращений 377

Славянские литературы

Доклады советских ученых,
подготовленные к V Международному съезду славистов

Утверждено к печати
Отделением литературы и языка
Академии наук СССР

Художник *Эльцуфен М. И.*
Технический редактор *Дорохина И. Н.*

РИСО АН СССР № 1—119В. Сдано в набор 30/III 1963 г.
Подписано к печати 25/V 1963 г. Формат 60×90$^{1}/_{16}$.
Печ. л. 23.75. Уч.-изд. л. 24,8. Тираж 2400 экз. Т-04641.
Изд. № 1850. Тип. зак. № 2060.

Цена 1 р. 19 к.

Издательство Академии наук СССР,
Москва, Б-64, Подсосенский пер., 21

2-я типография Издательства АН СССР.
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
12	3 сн.	bus	bis
13	8 сн.	Schriit	Schrift-
13	7 сн.	Hagiographe	Hagiographie
13	4 сн.	Entwickelung	Entwicklung
46	14 сн.	privé	privée
70	1 св.	genre	genres
87	8 сн.	traced well no	traced no
93	3 сн.	Reregrina	Peregrina
102	8 сн.	figliuol	figliuolo
118	5 сн.	ca î	caî
124	8 сн.	ce cette idée	cette idée
135	25 св.	византийской	славянской
152	12 сн.	travaué	travaux
152	11 сн.	intituls	intitulé
152	10 сн.	rur-	rus-
152	8 сн.	rappotts	rapports
152	7 сн.	Masé	Maté-
200	12 св.	wurde eine neue	wurde zu einer neuen
200	18 св.	hat	hatte
200	24 св.	von	vor
225	7 св.	gende	gande
225	7 сн.	appurie	appuie
296	12 сн.	certin	certain

«Славянские литературы. Международный съезд славистов».